

Так, сравнение стаи грачей с сетью кажется чисто изобразительным, однако в контексте стихотворения оказывается не менее важной и его словесно-выразительная сторона: слово *сеть* вызывает в нашем сознании представление о плене, неволе. Тема неволи скрыто присутствует и в словах *спитя* и *валитя* (глаголы с безлично-возвратным и страдательно-возвратным значением), в которых на первый план выступает момент принудительности действия при отсутствии или пассивности субъекта. Аналогичную функцию выполняет и форма единственного числа слова *лист* вместо *листья*, что создает образ сплошного множества, не оформленной, нерасчлененной массы, в которой утрачивается возможность всякой отдельности, индивидуальности и тем самым — свободы.

То, что скрывается в первой части «между строк», оставаясь вне «светлого поля сознания» читателя, во второй части выводится наружу, становится более доступным для восприятия. Так, мотив неволи получает прямое выражение во фразе: *Выйдешь — поневоле Тяжело — хоть плачь.*

В образе же перекати-поля воплощено переживание жизни как бесконечного и бесцельного блуждания по земле. *Перекати-поле*, как и *лист*, — это мертвые подобия птиц. Свободному, стремительному полету, символом которого является слово *ласточки* (общеслав. *ласта* буквально значит «летающая») противопоставляется пародия полета: *...прыгает как мяч.*

Наиболее важной для понимания смысла и пафоса стихотворения является фраза *Лучше б снег да вьюгу Встретить грудью рад!* На первый взгляд, здесь мы имеем традиционное продолжение пейзажной темы. Однако речь идет не просто об ожидании зимы, но об активном стремлении навстречу враждебным стихиям и даже об иррациональном желании вступить с ними в схватку.

Взрыв чувств лирического героя

может показаться неожиданным, немотивированным на фоне мирного содержания и относительно спокойного рисунка предыдущих стихов. Столь же слабо мотивированным выглядит и переход от призыва встретить грудью зимнюю стихию к описанию поспешного отлета журавлей на юг (*Словно как с испугу Раскричавшись, к югу Журавли летят*). Ослабленность внешних логических связей компенсируется лирическим напором, единством и стройностью ритмической и интонационно-метрической структур. Эти структурные скрепы вместе с тем инициируют появление новых смысловых связей — глубинного, подтекстного уровня. В данном случае мы имеем наглядную иллюстрацию к высказыванию М. Метерлинка: «Рядом с необходимым диалогом почти всегда идет другой диалог, кажущийся лишним. Вы увидите, что достоинство и продолжительность этого бесполезного диалога определяет качество и не поддающуюся выражению значительность произведения»³.

Можно предположить, что резкий ритмико-мелодический перепад между 12-м и 13-м стихом (ср.: 2¹+2¹+1 • и 6⁵; существенна также разница консонантного рисунка) отражает некоторый внутренний надлом. За образами снега и вьюги встает образ гибели, смерти: жизнь кажется неволей, принуждением, освобождение от которого чается в смерти, причем смерти добровольной, но самоубийственный порыв сменяется испугом (примечательно нервное косноязычие оборота: *словно как с испугу*). Скандирование звуко-сочетаний *ре — ру — ра* в ударной позиции в 12-м стихе (*Встретить грудью рад*) отсылает нас к звукообразу *ра — ар* начальных стихов и через него — к *грачам*, выступающим у Фета вестниками смерти.

В анализируемом тексте связь об-

³ Метерлинка М. Трагедия каждого дня // Полн. собр. соч. — Петроград, 1915. — Т. 4. — С. 72.